

ЭРСКИН КОЛДУЭЛЛ

СМЕРТЬ КРИСТИ ТЭКЕРА

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

№ 38

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

МОСКВА — 1941

СМЕРТЬ КРИСТИ ТЭКЕРА

Кристи Тэкер ехал под вечер на плантацию верхом на муле и всю дорогу посвистывал. Все утро он обтесывал новые колья для своего забора и был очень доволен, что так много наработал. Не часто ему приходилось бывать на плантации, и, когда представлялся случай съездить туда, он уж не мешкал.

Он привязал мула к коновязи позади лавок и сразу же заметил, что другие негры не торопились заговаривать с ним. Кристи был на короткой ноге со всеми чернокожими на плантации с тех самых пор, как он с женой три месяца назад переехал сюда, и он никак не мог понять, почему они притворяются, что не видят его.

Он медленно побрел к конторе плантации, удивляясь про себя, почему никто с ним не разговаривает.

Навстречу ему попался Фрогги Миллер. Он схватил Фрогги за рукав, прежде чем тот успел увернуться.

— Что это нынче с вами со всеми? — спросил он. Фрогги Миллер жил всего в миле от него, как

раз напротив, через хлопковое поле, и больше, чем с кем бы то ни было на плантации, он дружил с Фрогги. — Что такое случилось, Фрогги?

Фрогги, рослый курчавый негр, отодвинулся от него.

Он опять схватил Фрогги за руку и потряс ее.

— Послушай, — сказал Кристи, начиная тревожиться. — Почему и ты, и все такие чудные нынче?

— Мистер Ли Кросмэн посылал за тобой, верно? — спросил Фрогги.

— Ну да, посылал, — сказал Кристи. — Что-нибудь насчет хозяйства хочет сказать. Но при чем тут...

Не успел он договорить, как Фрогги вырвался от него и торопливо зашагал по дороге.

Не мешкая дольше, Кристи бегом побежал к конторе, чтобы узнать, что же такое произошло.

Когда он вбежал в помещение конторы, бухгалтер Хендрикс и Морган, младший брат Ли Кросмэна, сидели в первой комнате, положив ноги на подоконник. Увидев Кристи, Хендрикс встал и ушел в заднюю комнату. Морган угрюмо уставился на негра и не отводил от него глаз, пока бухгалтер не вернулся.

— Эй, ты, иди сюда! — сказал Хендрикс, входя в комнату.

Кристи обернулся и увидел, что на пороге стоит Ли Кросмэн, хозяин плантации.

— Да, сэр, — сказал Кристи.

На Ли Кросмэне были плотные серые бриджи, куртка цвета хаки и высокие, до колен, башмаки на шнуровке. Он посторонился, когда Кристи проходил в заднюю комнату, и притворил дверь снаружи. Кристи вышел на середину комнаты и остановился, поджидая Ли Кросмэна.

Кристи переехал на плантацию Кросмэна в начале года, месяца три назад. Он никогда раньше не бывал в Джорджии, и ему здесь нравилось больше, чем в Алабаме, где он до этого жил. Они с женой решили переселиться в Джорджию, потому что они слышали, будто там земля лучше и издольная работа выгоднее. Кристи говорил, что ему мало быть сытым; он хотел чего-нибудь добиться в жизни.

Ли Кросмэн все не приходил, и Кристи, наконец, сел на один из стульев. Только он уселся, как дверь открылась. Он вскочил на ноги.

— Здравствуйте, мистер Ли, — сказал он улыбаясь. — Я присмотрелся к здешней земле, и мне бы надо еще одного мула и многолемешный плуг. С таким плугом я в два раза больше хлопка выращу, больно земля хороша. Хоть бы камешек или пень, даже кустика не видно, что твоя ладонь. Рытвины — и той не найдешь. Если вы мне дадите еще одного мула и многолемешный плуг, я столько вам соберу хлопка, сколько и двум вашим издольщикам не собрать.

Ли Кросмэн выслушал его до конца, потом

с силой захлопнул дверь и внушительными шагами вошел в комнату.

— Я посылал за тобой, негр, — сказал он. — А не ты за мной, верно?

— Верно, мистер Ли, — ответил Кристи, — вы посылали за мной.

— Ну и молчи, черная образина, пока тебя не спросят.

— Да, сэр, мистер Ли, — сказал Кристи, пятась через всю комнату, пока не очутился у стены. Ли Кросмэн сел в кресло и злобно поглядел на него. — Да, сэр, мистер Ли, — повторил Кристи.

— Ты из тех негров, что зазнаваться стали, да? — сказал Ли. — Откуда ты явился? Ты не здешний негр.

— Нет, сэр, мистер Ли, — сказал Кристи, покачивая головой. — Я родился и вырос в Алабаме.

— Что же тебя в Алабаме не научили уму-разуму?

— Да, сэр, мистер Ли, научили.

— Так зачем же ты приехал в Джорджию и начал зазнаваться?

— Не знаю, мистер Ли.

Кристи вытер лицо ладонью, недоумевая, за что, собственно, Ли Кросмэн на него сердится. Он начал понимать, почему другие негры сторонились его и не хотели с ним разговаривать: они знали, что Ли Кросмэн посылал за ним, а это значило, что он чем-то прогневал его; они

не хотели, чтобы кто-нибудь застал их с издольщиком, который в немилости у хозяина.

— У тебя есть радиоприемник? — спросил Ли.

— Да, сэр.

— Где ты его взял?

— Купил в рассрочку.

— А откуда у тебя деньги?

— Немного я скопил, а жена кур держит.

— А почему ты не купил радиоприемник в лавке плантации?

— Я купил в другом месте. Там дешевле.

— Негры, которые живут на моей плантации, покупают все, что им нужно, в лавке плантации, понятно?

— Мне не хотелось быть вашим должником, мистер Ли, — сказал Кристи. — Мне хотелось получить все сполна к концу года при расчете.

Ли Кросмэн откинулся на спинку кресла, положил ногу на ногу и вынул из кармана перочный нож. Потом начал чистить ножом ногти.

Несколько минут в комнате царило молчание. Кристи стоял, прислонившись к стене.

— Стой прямо, негр! — закричал на него Ли.

— Да, сэр, — сказал Кристи, послушно выпрямляясь.

— Верно, что ты взял мой лес на починку забора вокруг дома, в котором ты живешь?

— Да, сэр, мистер Ли.

— А почему меня не спросил, желаю я дать на это лес или нет?

— Я так считал, что забор кое-где подгнил и нужно вбить новые колья, а раз я в этом доме живу, я взял да и сделал.

— Зазнаешься, да? — сказал Ли. — Воображаешь, что и земля твоя, и дом твой? Воображаешь, что сам не хуже белого, да?

— Нет, сэр, мистер Ли, — ответил Кристи. — Я ничего не воображаю. Я просто не люблю без дела сидеть, вот и все. Я покоя себе не нахожу, пока не примусь забор чинить, или дрова колоть, или хлопок собирать, или еще что-нибудь. Не сидится мне без дела.

— А ты знаешь, что в Джорджии делают с неграми, когда они зазнаются?

— Нет, сэр.

— Мы учим их никуда не лезть и знать свое место.

Ли Кросман встал и пошел через комнату к шкафу. Он открыл дверь и сунул в шкаф руку. Когда он повернулся, в руке у него был длинный ремень с тяжелыми медными бляшками. Он вернулся к своему месту, целкая ремнем по своим башмакам.

— Кто позволил твоей жене держать кур на моей плантации? — спросил он.

— Никто не позволил, мистер Ли, — сказал Кристи. — Мы думали, вы не будете против. Места вокруг дома хватает, а я еще сделал им курятник.

— Не спорь со мной, негр!

— Да, сэр!

— Я не желаю, чтобы куры все поля изрыли на моей плантации.

— Да, сэр, — сказал Кристи.

— Где ты взял деньги на радиоприемник?

— Я ловил кроликов и продавал шкурки.

— Не желаю, чтобы на моей плантации ловили кроликов.

Он замахнулся тяжелым ремнем и хлопнул себя по ногам.

— Почему на тебя ничего не записано в лавке плантации? — спросил Ли.

— Я не люблю залезать в долги, — сказал Кристи. — Я хочу получить все сполна к концу года при расчете.

— Это — мое дело, ты ли мне будешь должен к концу года или я тебе, — сказал Ли.

Он показал на щель в полу.

— Скинь рубаху, спусти штаны и становись на колени над этой щелью, — сказал белый хозяин.

— Что вы хотите со мной делать, мистер Ли?

— А вот сейчас увидишь. Снимай штаны и рубаху и становись, как я тебе велел.

— Мистер Ли, не могу я позволить вам бить меня. Нет, мистер Ли. Не могу я вам этого позволить. Просто не могу!

— Ах ты, пес черномазый, еще спорит! — закричал Ли, весь побагровев от злости.

Он полоснул Кристи тяжелым ремнем с медными бляшками. Кристи попятился от него, а когда

Ли снова ударил, негр схватился за ремень и не выпускал его. Ли в бешенстве посмотрел негру в лицо, потом стал выдергивать ремень.

— Мистер Ли, я ничего такого не сделал. Я только ловил кроликов и кур держал, — сказал Кристи. — У меня и в мыслях ничего дурного не было! Я думал, вы будете довольны, что я ваш забор починил.

— Заткни свою глотку и сними штаны и рубашку, как я тебе велел! — сказал Ли, не помня себя от злости. — И выпусти ремень, пока я сам не вырвал его у тебя из рук!

Кристи не трогался с места и изо всех сил держался за ремень. Ли так обозлился, что слова не мог выговорить. Он бросился к шкафу и достал пистолет. Он повернулся и три раза выстрелил в Кристи. Кристи выпустил ремень и упал. Морган, брат Ли, и бухгалтер Хендрикс вбежали в комнату.

— Что случилось, Ли? — спросил Морган, увидев лежащего на полу Кристи Тэкера.

— Этот негр грозил мне, — сказал Ли, тяжело дыша. Он подошел к шкафу и положил пистолет на полку. — Ты и Хендрикс слышали, как он грозил убить меня. Мне пришлось застрелить его, чтобы спасти свою жизнь.

Они вышли из задней комнаты в контору. Из лавки плантации прибежали приказчики, слышавшие выстрелы, и стали спрашивать, что случилось.

— Зазнавшийся негр.— сказал Ли, моя руки под краном.— Это тот негр из Алабамы, что приехал сюда месяца три назад. Я посылая за ним сегодня, чтобы спросить, кто ему позволил колья в заборе менять. Когда я вышел к нему, он стал грозить мне. Он был плохой негр.

Приказчики вернулись в лавку, а Хендрикс открыл свои книги и занялся подсчетами.

— Открой дверь из той комнаты,— сказал Ли своему брату,— пусть все негры видят, что бывает с ними, когда они зазнаются, как этот алабамский пес.

Морган открыл дверь из задней комнаты. Он выглянул на дорогу, но не увидел ни одного негра. Единственным живым существом был мул, на котором Кристи Тэкер приехал в город.

БОЛЬШОЙ БЭК

После заката солнца на дорогу высыпала тьматмущая негров — все прогуливались, все веселые, ни у кого никакой заботы на сердце. Наступил субботний вечер, и в воздухе посвежело, и все были счастливы и довольны. Только у старых мулов, трусивших по дорожной пыли, на мордах было огорченное выражение; но у них была на то причина: всю неделю они трудились с утра до ночи, таская бревна на болоте, а теперь пришло время ужинать — пришло и прошло, — а они все еще были далеко от дома.

Было самое приятное время года для негров — жара стояла такая, что никто из белых не решился высунуть нос на улицу, и негры могли разгуливать по большой дороге, сколько их душз угодно. Женщины и девушки все принарядились в белые накрахмаленные платья и нацепили на волосы яркие шелковые банты, а мужчины все надели праздничные пары.

Вдруг где-то подальше на дороге залаяла гончая собака — она лаяла и лаяла, словно была готова разорваться. Что там случилось, нельзя было

рассмотреть, потому что луна еще не взошла. Джимсон и Моисей остановились посреди дороги и прислушались. Пес все лаял. Они стояли и молча слушали — они хорошо знали, что такой старый гончий пес зря лаять не станет: видно, он почуял чужого.

— Берегись, Джимсон! — крикнул вдруг Моисей. — Беги прячься, а то как грохнет тебя, так и вздохнуть не успеешь!

— Ты о чем? — спросил Джимсон. — Ты это о чем говоришь?

— Я сейчас обернулся и такое увидел на дороге, — сказал Моисей, — такое увидел, что если бы тебе увидеть, так у тебя глаза бы выскочили.

— Что ты там увидел? — спросил Джимсон, трясаясь, как осиновый лист. — Что ты там увидел такое страшное?

— Большого Бэка я увидел, — сказал Моисей, и голос у него стал тонкий и слабый от страха. — Уж я знаю, что это он, потому что я два раза обернулся и два раза посмотрел, чтобы не было ошибки.

Оба негрятенка бросились в сторону, спрыгнули в канаву и притаились среди кустарника. Сидя там на корточках, они опять прислушались. Впереди на дороге люди смеялись, пели и громко разговаривали. А в другой стороне старый гончий пес все лаял и лаял и никак не мог успокоиться.

— И чего ради этот Большой Бэк так пугает

людей? — сказал Джимсон. — Прямо грешно так делать.

— Большой Бэк вовсе не хочет пугать людей, — сказал Моисей. — Они сами его пугаются. Только его завидят и уже трясутся. А он совсем не страшный. Он кроткий, как ребенок.

— Так чего ж ты сейчас сидишь в канаве, если он совсем не страшный?

Моисей ничего не ответил. Они осторожно раздвинули кусты и выглянули на дорогу. Видеть Большого Бэка они еще не могли, потому что было темно; но его ножищи шлепали по дорожной пыли почти так же громко, как шлепается кипарис на болоте, когда его подрубят.

— Может, он и был когда-нибудь кротким, когда сам был ребенком, — сказал Джимсон. — Может, он и сейчас бывает кротким, когда спит у себя в постели. Но когда я его встретил последний раз возле лавки, что на перекрестке, под прошлое воскресенье, ну, знаешь, не очень-то он был похож на ребенка!

— Что он сделал? — спросил Моисей.

— Сказал, что ему нравится полосатая лента на моей шляпе, и хлопнул меня по спине, да так хлопнул, что я тут же и ткнулся носом в землю. Вот он какой ребеночек! Уж я-то знаю!

— Замолчи! — прошептал Моисей. — Вот он идет!

Они нырнули в кусты и присели еще ниже, чтоб их не было видно. Они сняли шляпы и втя-

нули, сколько могли, головы в плечи, чтобы они не торчали наружу. Они были рады-радехоньки, что темно и луны нет на небе.

— Посмотри ты на этого франта, — прошептал Джимсон. — Желтые башмаки! Красный галстук! Видно, поухаживать собрался за какой-нибудь красоткой. Ну да против него какая же устоит — выбирай любую! Эх, мне бы таким быть, как он! Я бы нашел себе белую девушку...

— Заткнись, негр! — прошептал Моисей, толкая его локтем в бок. — Заткнись, а то он нас и в кустах отыщет!

Большой Бэк шагал по дороге, да так уверенно, словно уж наперед решил, куда он пойдет. Он насвистывал, да так громко, ни дать, ни взять гудок на лесопилке в субботу вечером, когда рабочих отпускают на праздник. Он закидывал голову и размахивал руками, словно был хозяином надо всей землей. Он собрался поухаживать за какой-нибудь красоткой — это всякому было видно.

Ребята в кустах так дрожали, что косточки у них стучались одна о другую.

Поровнявшись с кустами, Большой Бэк вдруг остановился. Ни одна кошка не видела в темноте лучше, чем он. Ему стоило только повернуться своим большим черным лицом туда, куда нужно, и уж он сразу все видел среди ночи, как среди бела дня.

— Вы все листья стрясете с этих бедных кусточков, — сказал Большой Бэк и ухмыльнулся до самых ушей, а зубы у него сверкнули словно новенькие надгробные плиты в лунную ночь. — Что это вы вздумали портить бедные невинные деревца?

Он протянул руку в кусты и ухватил одну курчавую голову. Потом потянул руку обратно.

— Как тебя зовут, негр? — спросил он.

— Джимсон, мистер Большой Бэк, — пролепетал мальчишка. — Джимсон меня зовут.

Большой Бэк протянул в кусты другую руку и ухватил другую курчавую голову. Он потянул ее к себе, и Моисей, припрыгивая, выкатился на дорогу. Он и Джимсон стояли теперь рядом — каждый в мертвой хватке Большого Бэка, — и оба дрожмя-дрожали, еще сильнее, чем только что дрожали листья на придорожном кустарнике.

— Как тебя зовут, негритенок? — спросил Большой Бэк.

— Я маленький Моисей, — ответил тот.

— Моисей. А дальше?

— Моисей Март.

— Март! Разве можно называться мартом, когда на дворе август? — сказал Большой Бэк и так потрянул его за волосы, что Моисей пожалел о том, что когда-то родился на свет. — Да чего ты дрожишь? Тебе ничего не будет, если только ты переменишь фамилию на Август.

— Слушаю, мистер Большой Бэк, — сказал Моисей. — Я переменю. Сейчас же переменю, как вы велите. Как вы сказали, так и сделаю. Вот, ей-богу, сейчас же переменю, мистер Большой Бэк.

Большой Бэк отпустил Моисея и расхохотался. Он хлопнул Джимсона по спине между лопаток, и тот не успел оглянуться, как земля поднялась кверху и трахнула его по носу. Большой Бэк поглядел вниз, ухватил его за курчавые лохмы и поставил на ноги. Он отступил на шаг и опять расхохотался.

— Эх, вы, мелюзга! — сказал Большой Бэк. — Будет вам дрожать, одурели вы от страха, что ли? Я вас не обижу. Мы теперь, ребята, будем друзьями. Жалко — поздно, да и некогда мне, потому что я собрался кое за кем поухаживать, а то мы бы с вами сыграли в кости.

Он подтянул штаны и поправил галстук.

Ребята глаз не могли отвести от его ярких желтых башмаков и от красного галстука, который, словно фонарь, горел у него на шее.

— Ну-ка скажите, — промолвил Большой Бэк, — как отсюда пройти к Певунье Салли?

— Куда? — спросил Джимсон, и даже рот у него открылся. — Куда пройти, вы сказали?

— К Певунье Салли, — сказал Большой Бэк. — Не слышишь, что ли?

— Вы сказали к Певунье Салли, мистер Большой Бэк? — спросил Моисей. — Да вы, наверно, не то хотели сказать. Или я не так услышал.

Все же знают, что Певунья Салли не нускает к себе женихов. Она же, как мул, упрямая..

— Ты правильно услышал, малыш, — сказал Большой Бэк. — Что я хотел сказать, то и сказал, а сказал я — к Певунье Салли. Где она тут живет, ну-ка?

— Неужто вы хотите за ней ухаживать? — спросил Моисей. — Неужто правда?

— Да уж так я решил, — сказал Большой Бэк. — И теперь мне нужно поскорей к ней добраться, не теряя времени. Марш со мной, мелюзга, показывайте дорогу.

Джимсон и Моисей побежали с ним рядом. Они бежали бегом, чтобы не отстать от него, — так широко шагал Большой Бэк. Полмили пробежали они, не перемолвившись с ним ни словом.

Если навстречу попадалась кучка гуляющих, все кидались в канаву, чтобы пропустить Большого Бэка. Он весил не на много больше, чем двести пятьдесят фунтов, и ростом был не на много больше, чем семь футов, но когда он шагал по дороге, то казалось, что ему и одному на ней тесно. Женщины и девушки хихикали, когда он проходил мимо, но он к ним даже головы не поворачивал. Он шагал все прямо вперед, как охотничья собака, когда она бежит по свежему следу.

Скоро Джимсон и Моисей запыхались, почти что задохлись и не знали, долго ли они еще выдержат, если Большой Бэк не остановится и не

даст им перевести дух. Негры, гулявшие на дороге, рассыпались по сторонам, словно испуганная стая перепелок.

На перекрестке Большой Бэк остановился и спросил, куда теперь идти.

— Вон там ее дом, за речкой, — задыхаясь, ответил Джимсон. — Если вы не против, мистер Большой Бэк, мы и дальше с вами пойдем. Нам с Моисеем все равно по дороге.

— Неужели ж мне терять время, стучась во все дома поочередно! — сказал Большой Бэк. — Марш со мной и ведите прямо туда, куда следует. Ну, живо, нечего тут стоять да раздумывать!

Они свернули направо. Домов тут было немного, и времени терять не пришлось. Большой Бэк пагал впереди, ребята за ним еле попевали.

Они прошли мимо двух-трех домов, перешли мост через речку и пустились вверх по склону. Большой Бэк напевал песенку — ему-то все равно было, что карабкаться в гору, что идти по ровному.

Когда они поднялись на пригорок, Большой Бэк остановился и подтянул штаны. Он обтер свои новые желтые башмаки о штанину, потом затянул свой красный галстук так туго, что едва не задохся.

— Вон ее хибарка, — сказал Джимсон, показывая пальцем.

— Вот, стало быть, и конец моему пути, — сказал Большой Бэк. — Вот, стало быть, я и дома.

Он пролез через дыру в изгороди и пошел к хижине. На полпути он остановился и окликнул мальчиков.

— Очень вам благодарен, ребята, — сказал он.

Он пошарил в карманах штанов и кинул мальчишкам блестящую монетку в десять центов. Джимсон подхватил ее раньше, чем она успела затеряться в темноте.

— Вы, ребята, помогли мне сберечь кучу времени, и за это я вам очень благодарен, — повторил он.

— Да неужто вы, правда, хотите ухаживать за Певуньей Салли, мистер Большой Бэк? — спросил Джимсон. Он и Моисей подошли к самой изгороди и прислонились к ней. — Все говорят, что Певунья Салли не пускает к себе женихов. Говорят, она их даже близко к себе не подпускает. А кто пробовал за ней ухаживать, тем, говорят, здорово попадало.

— Это потому, что она еще не видала настоящего мужчины, — сказал Большой Бэк. — Слышал и я, что она не пускает к себе женихов, но когда я возьмусь за дело, она запоет другую песенку.

Большой Бэк сделал еще несколько шагов к лачуге. Моисей отошел подальше от изгороди. Ему неохота была соваться вперед, потому что Салли имела такую привычку — палить из дробовика, когда ей надоедали. Он отошел от изгороди. А Джимсон остался, где был, и стал звать Мои-

сея подойти поближе — посмотреть, что будет, когда Большой Бэк войдет в дом.

— Чего ты боишься, Моисей? — сказал Джимсон. — Большой Бэк знает, что делает, иначе не потащился бы сюда, в такую даль.

Большой Бэк еще раз подтянул штаны и двинулся к дому. Он обогнул кучу дров и перешагнул через старую лохань, полную ржавых жестянок из-под консервов. Он ступил одной ногой на крыльцо и всей тяжестью налег на ступеньку, пробуя, выдержит она или нет. Ступенька заскрипела и закачалась, но выдержала.

На дворе Джимсон и Моисей стояли у обвисшей проволочной изгороди, держась за столб, и дожидались, что будет. Когда Большой Бэк постучал в дверь, у них даже дыхание перехватило. И не успели они еще вздохнуть как следует, а в доме уже на пол грохнулся стул. Потом со стола или с полки слетел большой жестяной противень и тоже загромыхал по полу. Видно было по всему, что Салли не ждала гостей.

— Кто там стучит? — спросила Певунья Салли. — Кто вы такой и чего вам надо?

Большой Бэк трахнул в дверь одним из своих тяжелых желтых ботинок. Весь дом затрясся.

— Твой любезный пришел, — сказал он, дергая и вертя дверную ручку. — Открой скорей дверь ипусти своего милого.

— Проваливай, пока цел, — ответила Певунья Салли. — Некогда мне с такими, как ты, разгова-

ривать. Ну-ка, бери ноги в руки и катись прочь от моего дома.

— Деточка, — сказал Большой Бэк и покрепче ухватился за ручку. — Отворяй скорей, я уж давно решил за тобой поухаживать и сделаю это сейчас, пока ужин у тебя горячий. Поставь тарелку на стол и придвинь кресло.

В ту же минуту выпалил дробовик — прямо сквозь тонкую дощатую дверь. В Бэка не попало, он только вроде как бы малость осел на ноги. Потом опять подтянул штаны и взялся за ручку.

— Отложи ты эту игрушку, пока себе чего-нибудь не повредила! — крикнул он через дырку в двери. — Меня ты такими пустяками не испугаешь.

Он дернул за ручку, и она выскочила вместе с замком. Дверь медленно отворилась, и желтый свет от лампы осветил крыльцо и кусочек двора до самой дровяной кучи. Большой Бэк перешагнул порог, а Салли смотрела на него во все глаза. Никому еще не удавалось таким манером войти к ней в дом. Большой Бэк вел себя так, словно ничто на свете — даже двухствольный дробовик — не могло его испугать.

— Кто ты такой? — спросила Салли, и глаза у нее полезли на лоб.

— Я твой любезный, малютка, — сказал Большой Бэк, — и я пришел за тобой поухаживать.

Он прошел мимо нее и оглядел ее всю с головы

до ног, пока она стояла, словно приросши к полу. Он обошел кругом и хорошенько осмотрел ее сзади. Она стояла, не шевелясь: никак не могла очухаться.

Джимсон и Моисей подкрались ближе и остановились возле дровяной кучи, чтоб было куда спрятаться, если Салли вдруг опомнится и опять начнет палить.

— Я Большой Бэк, голубка, — сказал он. — Я живу на дальнем краю болота. Ты, наверно, про меня слыхала, потому что я тут живу чуть не с самого рождения. Жалко, я раньше не надумал за тобой поухаживать — сколько времени зря пропало! Ну да ладно, теперь-то я здесь, голубка. Пришел, наконец, твой милый.

Он придвинул стул к столу и уселся. Он обтер рукавом желтую с красным узором клеенку и потянулся к плите за сковородкой с жареными тупоносыми окунями. Держа рыбу в одной руке, он другой подцепил кофейник и налил себе чашку кофе. Налив себе кофе, он заглянул в духовку и достал оттуда горсть горячих лепешек. А пока он все это делал, Салли стояла и таращила на него глаза, словно только что проснулась.

— Здорово ты умеешь стряпать, — сказал Большой Бэк. — Ух ты, ух ты, вот здорово! Я каждый вечер готов за тобой ухаживать, если у тебя всякий раз будут такие жирные окуни и такие горячие лепешки.

Большой Бэк одним глотком управился с поло-

виной окуня, а другим глотком — с целой лепешкой, но тут Певунья Салли опомнилась и нагнулась за дробовиком, который уронила на пол, когда стреляла в первый раз. Она подняла его с пола, нацелилась в Бэка и прищурила один глаз. Большой Бэк покосился на нее и отправил в рот другую половину окуня.

— Детка, закрой дверь, а то дует, — сказал он и налил себе еще чашку кофе. — Не люблю, чтоб мне дуло в спину, когда я сижу и ужинаю.

Салли повернулась к нему одним ухом, чтобы лучше расслышать, что он говорит, потом опять навела на него дробовик, но ружье так плясало у нее в руках, что она не могла как следует прицелиться. Она даже удержать его в руках не могла, до того она вся дрожала. Пришлось упереть его прикладом в землю. Отдохнув минутку, она тихонько спустила курок и засунула ружье под кровать.

— Да откуда ты взялся? — спросила она Большого Бэка.

— Детка, я тебе уже сказал, что живу на том краю болота. Всю неделю я там рублю кипарисы. Кабы я раньше знал, как у тебя славно, я не стал бы ждать воскресенья. Я уже давным-давно пришел бы к тебе в гости.

Он еще положил себе рыбы и налил еще чашку горячего черного кофе. Лепешки он уже все умял — полный противень. Он пошарил пальцами по клеенке, подбирая оставшиеся крошки.

Певунья Салли зашла за его стул сзади и оглядела его с головы до ног. Он на нее даже глазом не повел. Он ей даже словечка не сказал, пока не съел столько рыбы, сколько ему хотелось.

Потом он отпихнул от себя стол, вытер рот ладонью и закинул назад свою длинную ручищу. Он сгрел Салли и притянул к себе. Он раздвинул ноги и поставил ее между коленок. Потом еще раз хорошенько осмотрел ее с головы до пяток.

— Ты и сама не хуже тех жирных окуней и тех горячих лепешек, что я сейчас ел, — сказал он. — Ух ты, ух ты, какая милочка!

Он ухватил ее за плечи и посадил к себе на колени. Потом обнял за шею и крепко поцеловал в губы.

Певунья Салли размахнулась одной рукой и трахнула Бэка прямехонько по лицу. Он только засмеялся. Она размахнулась другой рукой, но ее кулак отскочил от бэкова лица, словно резиновый.

Он сгрел ее в охапку, и тут она принялась его обрабатывать обоими кулаками, обоими коленями и чугунной крышкой от сковородки. Когда чугунная крышка стукнула его по черепу, он свалился на пол, а Салли надела на него сверху, размахивая чугунной крышкой и чугунным котелком для воды. Котелок разбился, и осколки разлетелись по всей комнате. Большой Бэк покатился по полу, а Салли за ним, колотя его сковород-

вой, кофейником и доской от стола. Казалось бы довольно, чтобы из всякого вышибить дух, но у Большого Бэка, видно, ухаживание все не шло с ума. Он опять потянулся ее обнять, и она треснула его по голове дверцей от духовки.

Наконец Салли умаялась: все это время она скакала, как кошка, на которой шерсть загорелась, — и теперь ей надо было передохнуть. Она попятилась и совсем уж без сил привалилась спиной к кровати.

Она пыхла и сопела и придумать не могла, чем бы его еще ударить. Да похоже было, что и толку нет его бить, потому что от него все отскакивало, словно от кирпичной стены. За всю свою жизнь она не видела такого мужчины. Она даже и не знала, что такие есть на свете.

— Голубка, — сказал Большой Бэк, — ты, я вижу, девочка с огоньком. Такую-то мне и надо За такой-то и стоит ухаживать. Ух ты, ух ты, какая милочка!

Он приподнялся и потянул ее к себе. Она и не шевельнулась. Потянул еще раз — да куда там, легче было столб с места своротить. Он еще дернул — и тут она вдруг обрушилась на него, как мешок с зерном. Потом скатилась с него на пол, колотя кругом руками и ногами, словно пчел или ос от себя отгоняла. Большой Бэк все ж таки изловчился ее обнять, и она вдруг опрокинулась навзничь и притихла, и лежала совсем тихонькая — ну, словно никогда с ним и не дралась.

Она смотрела ему в глаза, и, кажется, будь она котенком, она тут же бы и замурылкала.

— Понравилась тебе мои лепешки, Большой Бэк? — спросила она медленно и лениво. — А жареная рыба понравилась?

— Ты здорово умеешь стряпать, — сказал Большой Бэк. — Вкусней я отроду ничего не пробовал.

Ветром почти совсем прикрыло дверь. Оставалась только узкая щелка. Джимсон и Моисей встали и поглядели на желтую полоску света. Потом пошли к изгороди и выбрались на дорогу. По временам к ним доносился смех Певуньи Салли. Они сели в канаву и принялись ждать. Больше им ничего не оставалось делать.

Им пришлось ждать долго. Луна уже встала и прошла половину пути по небу, и роса выпала такая обильная, что ребята дрожали от сырости, мокрые, словно их выкупали в речке.

Вдруг они вскочили на ноги. Большой Бэк сошел с крыльца, запнулся о дровяную кучу и пролез через дырку в изгороди.

Из двери падал на двор длинный столб желтого света. Салли притаилась за дверью, только голова ее торчала наружу.

— Что вы тут околачиваетесь? — спросил Большой Бэк. — Марш домой.

И все пустились вниз по склону — Большой Бэк впереди, а Джимсон и Моисей сзади; они бежали рысцей, стараясь не отставать от Бака.

Они уж наполовину спустились с холма, и Большой Бэк еще ни слова не вымолвил с тех самых пор, как они отошли от дома. Джимсон и Моисей бежали рысцой, стараясь не отставать, они непременно хотели услышать, что скажет Большой Бэк после того, как он только что ухаживал за Салли. Кому удалось поухаживать за Певуньей Салли в собственном ее доме, у того, наверно, много найдется чего сказать.

Они бежали рысцой, стараясь не отставать, и все ждали, что он скажет. Под гору поспевать за ним было не так уж трудно.

Когда они спустились к мосту через речку, Большой Бэк остановился и поглядел назад. Он поглядел наверх, туда, где на холме стоял дом Певунья Салли, и глубоко вздохнул. Джимсон и Моисей подошли к нему вплотную, ожидая, что-то он скажет.

— Вкусней этих жареных окуней я в жизни ничего не едал, — медленно сказал Большой Бэк. — Ух ты, как здорово! Такой еды, как эти жареные окуни и эти горячие лепешки, я отродясь еще не пробовал. Ничего не скажешь — эта девочка умеет стряпать!

Большой Бэк подтянул штаны и зашагал по мосту. До болота было еще далеко, а солнце уже вставало.

— Ух ты, ух ты! — сказал он и прибавил шагу.

Джимсон и Моисей бежали рядом, изо всех сил стараясь не отставать.

МОЙ СТАРИК

I. КАК МОЙ СТАРИК ВЕРНУЛСЯ ДОМОЙ

Около полуночи залаяли собаки, и Ма встала посмотреть в окошко. Была холодная снежная ночь недели за две до рождества. Ветер с вечера немного утих, но все еще изредка посвистывал в застрехах. В такую ночь хорошо в кровати под ворохом теплых одеял.

В прихожей горела лампа — мы всегда оставляли одну лампу гореть на всю ночь. А в комнате Ма не зажигала света: из темной комнаты ей лучше было видно, что делается на дворе.

Долго она ничего не говорила. Собаки поворчали, а потом снова принялись лаять. Их всю ночь держали на цепи у самого дома, иначе они сжевали бы за ночь уйму прохожих. И моему старику повезло: они мигом сжевали бы и его, как и всякого чужого бродягу. Мой старик так давно не был дома, что мог сойти за чужого. Последний раз он был летом, и всего-то минут на пять. Он приходил за штанами, которые прошлой зимой оставил на гвозде в дровяном сарае.

— Ну да, он, конечно! — сказала Ма, постукивая дверным ключом по оконной раме.

Злилась она не больше, чем обычно, но и этого было достаточно. Когда она стучала дверным ключом по оконной раме, этого было достаточно — тогда все знали, в каком она расположении духа.

Вдруг раздался грохот, точно верхом груженная фура проехала по дощатому мосту. Потом весь дом затрясся от удара, словно кто-то кузнечным молотом вышиб половину фундамента.

Это мой старик в темноте пробовал, выдержат ли крыльцо и ступени. Он всегда боялся, приходя домой, что кто-нибудь устроит ему ловушку, ну, например, подпилит половицы, и он провалится под крыльцо и просидит там, пока Ма не доберется до него метлой.

— Вот повадился! И долго мне все это терпеть? — сказала Ма. — Просто тошно мне делается от этого!

— Я встану и пойду к нему, — сказал я. — Можно, Ма? Пожалуйста!

— Лежи спокойно, Вильям, и накройся с головой одеялом, — сказала Ма и опять постучала дверным ключом по оконной раме. — Когда он войдет, это будет для тебя неподобающее зрелище.

Я встал на четвереньки и натянул одеяло на голову. Когда Ма перестала глядеть в мою сто-

рону, я немножко сдвинул одеяло, чтобы мне все было видно.

Входная дверь распахнулась, и ее верхние стекла чуть не вылетели из пазов. Мой старик никогда не заботился о стеклах или о мебели и вообще о домашней обстановке. Как-то раз он пришел домой и разнес на куски мамину швейную машину, так что ей очень долго пришлось копить деньги, чтобы ее починить.

Я и не подозревал, что мой старик способен поднять такой грохот. Судя по звукам, казалось, что он топчет в прихожей, примериваясь, не удастся ли ему втоптать половицы прямо в землю. Все картинки на стене дрожали, некоторые съехали набок. Даже большой портрет дедушки перекосялся.

Ма зажгла свет и подошла к камину, чтобы раздуть огонь. В камине было еще много жару под золой, и угли ярко затлели, когда Ма помахала на них газетой и подложила растопки. Как только растопка загорелась, Ма подкинула два — три чурбака и села спиной к огню, дожидаясь, когда мой старик войдет в комнату.

А он все громыхал в прихожей, словно сгоняя ногой все стулья в дальний угол, к кухонной двери. Вдруг он перестал и сказал что-то кому-то в прихожей.

Ма поскорее встала и надела купальный халат. Мимоходом она взглянула на себя в зеркало и

поправила волосы. Для нее было большой неожиданностью, что он с собой кого-то привел.

— Накройся с головою, Вильям, говорю я тебе и спи, — сказала Ма.

— Я хочу видеть его, — попросил я.

— Не спорь со мной, Вильям! — топнула она босой ногой по полу. — Делай, что я тебе говорю, и сейчас же.

Я натянул одеяло, только сдвинул его так, что мне все было видно.

Дверь прихожей слегка приоткрылась. Я снова поднялся на четвереньки, чтобы мне лучше было видно. Тут-то мой старик пнул дверь ногой. Она сразмаху ударилась об стенку, стряхнув столько пыли, что просто удивительно, откуда она там взялась.

— Что вам здесь нужно, Моррис Страуп? — сказала Ма, скрестив руки на груди и глядя на него в упор. — Что вам на этот раз нужно?

— Входи и располагайся, как дома, — сказал мой старик, оборачиваясь и за руку втаскивая кого-то в комнату. — Не робей в моем собственном доме.

Он втащил в комнату девушку, вдвое меньше Ма, и подталкивал ее, пока они оба не очутились у маминой швейной машины. Ма вскочила на ноги и, наблюдая за ними, поворачивалась, словно флюгер.

Чудно было смотреть на моего старика, та-

кой он был пьяный, так он шатался, а Ма такая злая, что слова не могла выговорить.

— Скажи: «Здрасте», — сказал он девушке
Она ничего не сказала.

Мой старик положил ей руку на затылок и согнул ее пополам. Так он сделал много раз, заставляя ее кланяться Ма, а потом и сам стал кланяться, а потом они стали кланяться в такт. Они делали это так долго, что голова у Ма стала дергаться вверх и вниз, словно она не могла ее остановить.

Тут я, должно быть, громко фыркнул, потому что Ма на мгновение опешила, а потом вернулась к огню и села.

— Это кто? — спросила Ма, и видно было, что это ее очень заботит. Она даже на время перестала злиться. — Кто это, Моррис?

Мой старик так плюхнулся в кресло, что чуть не вышиб сиденье.

— Это? — сказал он. — Это Люси. Теперь она за мной смотрит.

Он повернулся в кресле и посмотрел, как я стою на четвереньках под одеялом.

— Здорово, сынок, — сказал он, — Как живешь?

— Хорошо, — сказал я, весь съезжившись на четвереньках и стараясь придумать, что бы мне сказать такое, чтобы он понял, как я ему рад.

— Растешь, сынок? — сказал он.

— Как будто немножко вырос, — сказал я ему.

— Вот и хорошо. Так и надо! Продолжай в том

же духе, сынок. Ты и оглянуться не успеешь, как станешь мужчиной.

— Па, я...

Тут Ма схватила большую щепку и запустила ею в Па. Щепка пролетела мимо и ударилась в стенку за его спиной. Мой старик вскочил с кресла и заплясал по всей комнате, словно щепка в него угодила, а не в стенку. Так он вертелся, пока ноги его не подкосились, и он, соскользнув по стене, уселся на пол.

Он протянул руку и ухватил стул с прямой спинкой. Он тщательно осмотрел его, а потом принялся выламывать поперечные перекладины. Как только перекладина вылезала из гнезда, он отправлял ее в огонь.

Покончив со всеми перекладинами и ножками, он принялся выдергивать планки из сиденья и спинки и тоже отправлял их в огонь. Ма не говорила ни слова. Она сидела и наблюдала за ним.

— Пойдем отсюда, Моррис, — сказала Люси. Это было первое, что она сказала с тех пор, как вшла в комнату. И Ма и я поглядели на нее с изумлением, мой старик тоже скосился на нее, словно он позабыл, что она тут. — Моррис, пойдем отсюда, — сказала она.

Люси была перепугана до полусмерти, это было ясно. И ничего в этом не было удивительного. Все на нее глазели, а Ма из себя выходила от злости.

— Садись и располагайся, как дома, — сказал ей мой старик. — Садись, Люси!

Она добралась до одного из стульев и присела, как он ей велел.

Так она там и сидела, а Ма лопалась со злости, а мой старик потрошил стулья; — на все это стоило поглядеть. Должно быть, я опять фыркнул, потому что Ма обернулась в мою сторону, погрозила мне пальцем и знаком велела мне натянуть одеяло на голову и спать. Но как мне было спать, когда такое творилось в комнате и когда я так долго не видел своего старика, и Ма должна была понимать это. Я только съеживался, как мог, на четвереньках и продолжал смотреть.

— Когда ты доломаешь этот стул, Моррис Страуп, ты, может быть, дашь мне семь долларов на новый? — сказала Ма, раскачиваясь в кресле.

— Чушь, Марта! — сказал мой старик. — Чушь! Ни за один стул на свете не дам я больше доллара, ну, много — два.

Тут Ма пришла в себя. Она прыгнула к камину, схватила там соломенную метлу и набросилась на Па. Она колотила его метлой по голове, пока не заметила, как от этого страдает метла. Тут она сразу перестала. Она столько выколотила из нее соломы, что та разлетелась по всему полу. Тогда она повернула метлу и стала тыкать в него палкой.

Мой старик кое-как вскочил и, пошатываясь, пошел через всю комнату к чулану, по дороге ки-

нув в огонь остатки стула. Он открыл дверь чулана и забрался туда. Он что-то сделал с замком, потому что, как Ма ни старалась, она ничего не могла сделать с дверью после того, как он туда залез.

К этому времени Ма так озлилась, что уже и не помнила, что делает. Она присела на краешек постели и поправила волосы.

— Хорошее, нечего сказать, ночное времяпровождение, Моррис Страуп! — орала она ему через дверь. — Какого, спрашивается, могу я воспитать ребенка, когда в доме подобные вещи творятся?!

Она даже не стала дожидаться, что ей на это ответит мой старик. Она тут же напустилась на Люси, ту девушку, которую он с собой привел.

— Берите его себе, пожалуйста! — сказала Ма. — Но только чтобы его тут не было!

— Он мне сказал, что не женат, — сказала Люси. — Он сказал, что он холостой.

— Холостой! — завопила Ма.

Тут лицо у ней побагровело, и она бросилась к камину за кочергой. Наша кочерга была длиной в три фута и очень тяжелая. Она протиснула ее сквозь щель в двери чулана и завертела ею, словно промешивая печку.

Мой старик принялся реветь и брыкаться в чулане. Я никогда еще не слышал подобного гама, особенно когда вдобавок снова залаяли собаки. Соседи, должно быть, подумали, что нас режут разбойники.

Тут Люси вскочила вся в слезах.

— Перестаньте — закричала она Ма. — Вы что там искалечите!

Ма повернулась и отстранила ее локтем:

— Оставьте меня в покое! Я сама знаю, что делаю!

Мне пришлось переползти на другой конец кровати, чтобы ничего не упустить из того, что происходило у дверей чулана. Никогда я не видел, чтобы кто-нибудь вел себя потешнее. Они обе кипели от злости, но каждая боялась начать. Они вели себя, как два петушка, которым и охота подраться, только они не знают, как им начать. И вот обе они трепыхали локтями, стараясь нагнать друг на друга побольше страха.

Для своего роста Ма была очень сильна. Когда она рассудила, как ей быть, она просто-напросто отбросила кочергу, сгребла Люси и швырнула ее к двери. Люси перелетела через всю комнату и грохнулась о швейную машину. Она себя не помнила от испуга и изумления, что так быстро очутилась в другом углу комнаты.

Ма снова подхватила кочергу и начала изо всех сил орудовать ею в чулане и — трах! — вдруг дверь распахнулась. В самой глубине чулана стоял мой старик, запутавшись в ворохе маминых платьев, и вид у него был такой, словно его захватили врасплох, когда он запустил руку в кассу бакалейщика. Никогда еще я не видел его таким смущенным и запуганным.

Как только Ма вытащила его из чулана в комнату, она снова накинулась на Люси.

— Я вас сейчас же выкину из моего дома, — сказала ей Ма, — и отучу вас путаться с моим мужем! Этого я никак не потерплю!

Она было снова сгребла Люси в охапку, но та увернулась. Потом они наскочили друг на друга, ну ни дать, ни взять два петушка, которые, наконец, набрались храбрости, чтобы схватиться. Они прыгали по всей комнате, хлопая руками, как крыльями, а полы маминого халата и люсины юбка разлетались, словно перья. Они вертелись кругом так долго, что казалось, это вертится карусель. Наконец, они все же вцепились друг другу в волосы. Никогда еще не слышал я такого визга. Мой старик, посидев в темном чулане, долго не мог освоиться на свету, но потом и он разглядел их. Он вертел головой, следя за ними, но все-таки он, должно быть, многое упустил.

Ма и Люси проскакали так через всю комнату и через дверь в прихожую. Там они тоже схватились несколько раз. Пока все это происходило, мой старик, пошатываясь, проковылял по комнате в поисках нового стула. Он ухватился за первый попавшийся ему под руку. Это была мамина качалка с высокой спинкой, где она обычно отдыхала или сидела с шитьем.

Тем временем Ма с Люси дрались уже на крыльце. Мой старик затворил дверь в прихожую

и запер ее на ключ. Это была тяжелая, прочная дверь с замком и засовом.

— Уговорами тут не поможешь, — сказал он, садясь на кровать и стаскивая башмаки. — Уж эти мне бабы, особенно, когда они повздорят!

Он швырнул башмаки под кровать и притушил свет. Потом стал поудобней устраиваться в кровати, не выпуская из рук качалку Ма. Я слышал, как скрипело дерево, когда он взялся за перекладыны. Он содрал обивку, потом стал разламывать кресло на кусочки и швырять их в огонь. Время от времени обломок попадал в облицовку камина, а часто и совсем мимо — в стенку.

К этому времени Ма и Люси снова переполошили собак. Они, должно быть, дрались теперь во дворе, потому что на крыльце их уже не было слышно.

— Иногда мне кажется, сынок, иногда мне кажется, что господу богу не следовало выпускать на свет больше одной женщины зараз.

Я укрылся одеялом и свернулся калачиком, прижав колени к самому подбородку и надеясь, что теперь-то он останется дома насовсем и больше не уйдет.

Мой старик разломал спинку качалки и швырнул ее в темноте в сторону камина. Сперва она ударилась в потолок, потом в облицовку. Он принялся доламывать остатки кресла.

Хорошо было лежать в темноте и знать, что он тут, рядом.

II. ХЭНСОМ БРАУН И ЧОРТОВЫ КОЗЫ

— Всегда твой отец что-нибудь выкинет, — сказала Ма с измученным и беспомощным видом, — не одно, так другое. Честное слово, иногда мне кажется, что до самой смерти не видать мне минуты спокойной!

Она расхаживала взад и вперед по двору, ломая руки и стараясь придумать выход из положения.

Козы, которых Па и наш негр Хэнсом Браун пригнали с нашей фермы в город, стояли на самом гребне крыши, жуя свою жвачку и поглядывая на нас. Большой белый козел, с длинной белой бородой и бакенбардами, был точь-вточь как наш сосед, мистер Картер.

— Но, боже мой, что же мне делать? — говорила Ма, не переставая ходить взад и вперед. — Сегодняшнее собрание нашего женского клуба назначено у меня в доме. И если на крыше будут эти козы, я просто умру со стыда.

Две козы тоже жевали жвачку, но бакенбарды у них были не такие длинные, как у козла. Вдобавок к трем взрослым козам на крыше там было еще два козленка. Им было месяца два, не больше, и они были вчетверо меньше старого козла, но вся эта пятерка на крыше казалась целым стадом.

— Вильям, скажи Хэнсому, пусть он сбегает в город и найдет Па и заставит его придти

сюда и уберет с ним этих коз сейчас же! — сказала она мне.

Хэнсом возился на кухне, и мне надо было только подойти к двери и окликнуть его. Он вышел на крыльцо и спросил, что угодно.

— Первое, что я хочу слышать от тебя, Хэнсом Браун, — с раздражением сказала Ма, — это чего ради ты пригнал сюда всех этих коз?

— Я только сделал, что мистер Моррис мне сказал, как всегда, когда мистер Моррис или миссис мне говорят, мисс Марта, — сказал он, переступая с ноги на ногу. — Мистер Моррис сказал, что хочет, чтобы козы были дома, и сказал пригнать, и я сделал. Не надо бранить Хэнсома за то, что мистер Моррис велел сделать, мисс Марта.

— Но почему же, в таком случае, ты не сказал мистеру Моррису, что ему надо сначала спросить меня? — сказала она. — Тебе бы следовало об этом подумать, Хэнсом.

— Да, мэм, я и думал, но когда я занкнулся об этом мистеру Моррису, мистер Моррис сказал: «Иди ты к чорту», — вот именно так, и я тогда пригнал их сюда, как он сказал.

Ма озлилась пуще прежнего. Она схватила полено и запустила им в коз на крыше, но полено и до крыши-то не долетело, не то что до коз. Оно громко стукнуло по стене, оставив след на обшивке.

— Иди сейчас же и разыщи мистера Морриса, — сказала она Хэнсому, — и скажи ему, что

я хочу его видеть. Поищи его в парикмахерской, и в скобяной лавке, и где он еще там всегда слоняется, но только непременно найди его. И не вздумай возвращаться без него, Хэнсом Браун, и на этот раз, пожалуйста, без всяких отговорок!

— Да, мам, мисс Марта, — сказал Хэнсом и затрусил на поиски Па.

А козы гуляли вдоль всего гребня, то заглядывая во двор, на нас с Ма, то на улицу. Они забрались туда, скакнув с поленицы на дровяной сарай, оттуда на крышу крылечка, потом на крышу кухни, а затем уже на главную крышу. Они были примерно на высоте двух с половиною этажей, и очень забавно было глядеть, как три большущих козы и два маленьких козленка вереницей разгуливают по гребню крыши. Когда они снова остановились поглядеть на двор, козел пожевал дольше обычного и раздул бакенбарды, словно строя нам рожи.

Ма поискала еще плашку полегче, но она слишком злилась, чтобы найти себе полено по руке. Тогда она погрозила кулаком всей козлиной пятерке и вбежала в комнаты.

Я присел было на ступеньки крыльца, но Ма тотчас вернулась и тряхнула меня за плечо.

— Вильям, ступай сейчас же на улицу и стереги там своего отца, — сказала она, подталкивая меня со ступенек. — И как только увидишь его, беги и предупреди меня. С минуты на минуту ко мне должны придти.

Я выбежал за угол дома и стал у ворот, откуда видна была вся улица. Ждать мне пришлось недолго, потому что сейчас же послышались голоса Па и Хэнсома. Они быстро приближались к дому.

— В чем дело, сынок? — спросил Па, посмотрев наверх на коз. — Что тут у вас случилось?

— Ма говорит, что надо убрать коз с крыши, а то к ней скоро придут дамы, — сказал я ему.

— Ну чего же проще! — сказал он, поспешно оглядев угол дома и входя во двор. — А ну-ка, Хэнсом, пошевеливайся.

— Это мне, мистер Моррис, вы говорите? — сказал Хэнсом.

Хэнсом был крупный и тяжелый и не мог ходить быстро. Он говорил, что от быстрой ходьбы у него поджилки болят. Когда ему надо было торопиться, он бежал рысцой.

— Скорее, Хэнсом, — сказал ему Па, — и перестань ныть.

Мы вошли во двор, и Па прежде всего посмотрел на коз на крыше. Он не меньше моего любил коз, поэтому он и хотел держать их в городе, где он мог их видеть каждый день. Когда они оставались на ферме, мы их иной раз по неделе не видели, потому что на ферме бывали не каждый день.

Козы перестали гулять взад и вперед по крыше и смотрели, что мы собираемся делать.

— Хэнсом, — сказал Па, — сходи за лестницей и ставь ее у крыльца.

Хэнсом принес лестницу и поставил ее, как велел ему Па.

— Теперь что делать, мистер Моррис? — спросил Хэнсом.

— Лезь туда и прогони их с крыши, — сказал Па.

Хэнсом посмотрел наверх, на большого козла, и попятился от лестницы.

— Я немножко боюсь лезть туда, где этот большой козел, мистер Моррис, — сказал он. — Я с самого рождения не видел таких противных рогов, как у него. Если вам все равно, мистер Моррис, я лучше не полезу туда. У меня сегодня весь день болят поджилки. Мне даже совсем плохо.

— Перестань ты мне перечить, Хэнсом, — сказал Па, — и ползай, как я тебе сказал. Ничего не делается твоим поджилкам.

Как раз в это время на крыльцо вышла Ма, пристегивая белый крахмальный воротничок на платье, которое она всегда надевала в особо парадных случаях. Она подошла к ступенькам и остановилась, глядя на нас с Па.

— Ничего, Марта, — быстро сказал Па, — ты не беспокойся. Мы с Хэнсомом мигом прогоним коз с крыши.

— И, пожалуйста, поскорее, — сказала Ма. — Никогда еще не случалось со мною такого ужаса! Сейчас все придут на собрание, и что они ска-

жут, когда увидят этих коз на крыше моего дома!

— Не волнуйся, Марта, — сказал Па, — Хэнсом сейчас поднимется наверх.

Но Хэнсом все пятился от лестницы. Па подошел и подтолкнул его.

— Ну же, пошевеливайся и делай, что тебе велят! — сказал Па, подталкивая его к лестнице

Обеспокоенный Хэнсом всячески мешкал, чтобы оттянуть время: он и штаны подтягивал и рубашку застегивал, — но все же пришлось ему двинуться вперед. Он взобрался по лестнице и ступил на крышу крылечка. Но тут же опять начал пятиться

— Хэнсом Браун, — сказала Ма, сбегая во двор, где мы стояли, — я тебя предупреждаю, что если ты спустишься оттуда, не прогнав этих коз с крыши, ты не получишь от меня ни кусочка, пока я жива. Если ты не сделаешь того, что приказал тебе мистер Моррис, то можешь уходить куда угодно и умирать там с голоду.

— Но, мисс Марта, верно же поджилки у меня схватило прямо ужасно.

— Я предупредила тебя, Хэнсом Браун, — сказала Ма и топнула ногой. — А ты знаешь: я держу слово.

— Но, мисс Марта, я...

— Я предупредила тебя, так и знай! — сказала Ма.

Хэнсом поглядел наверх на коз, потом снова вниз на Ма и потом взобрался на кухонную крышу. Оттуда он снова скосился на нас, чтобы убедиться, что мы за ним наблюдаем.

Как раз в это время Ма услышала на улице голоса первых дам. Нам слышен был их разговор почти за целый квартал. Ма погрозила пальцем Хэнсому и вбежала в дом запереть парадную дверь, чтобы они не могли войти с улицы. Она рассчитывала, что они подождут у дверей и не смогут, пройдя через дом, выйти на заднее крыльцо и увидеть, что у нас творится.

Мы с Па сидели на дровах и следили за Хэнсом. Хэнсом забрался на самый верх кухонной крыши и растопырился на гребне, цепляясь о дранку. Он казался там совсем маленьким.

— Только не смей мне калечить коз! — крикнул ему Па. — Смотри, чтобы они не сорвались и не упали, и не спугни козлят, а то они шарахнутся с крыши прямо вниз. Я с тебя всю шкуру спущу, если ты мне коз искалечишь!

— Мне все до последнего слова слышно, мистер Моррис! — прокричал нам Хэнсом сверху — Ей богу, никогда я не думал, что может быть так скользко. Но я стараюсь. Только я боюсь двинуться, тогда меня сейчас же потянет упасть, а внизу очень жестко. Я даже вздохнуть боюсь, мистер Моррис.

Он замолчал, оттягивая время и выжидая, что скажет Па. Но скоро, поняв, что Па не намерен

отвечать, он чуточку двинулся по гребню к главной крыше. Добравшись до стыка, он еще раз глянул вниз на землю. Он закрыл глаза, когда увидел, как она далеко, и больше на нее не глядел.

— Смотри, не покалечь коз! — крикнул Па.

— Да, мистер Моррис, — сказал Хэнсом откуда-то очень издалека. — Я очень стараюсь смотреть.

Он добрался до главной крыши и вскарабкался на нее. Отсюда до главного гребня было наглаз так же далеко, как от Хэнсома до земли. Он потихоньку полез по скату, пока не уцепился пальцами за гребень. Тогда уже ему легче стало взбираться наверх. А там он перекинул ногу и сел верхом на гребень, что было силы цепляясь ногами о дранку.

Козы, спасаясь от Хэнсома, перешли на дальний конец крыши. Чтобы согнать их вниз, ему надо было проехать по всему гребню, а их заставить повернуть назад, на кухонную крышу, откуда они могли соскочить на крышу крыльца, на дровяной сарай и, наконец, на поленницу.

Хэнсом уже проделал полдороги, как вдруг козлу, должно быть, взбрело в голову, что надо спускаться вниз своей охотой. И вот они пустились в путь, большой козел впереди, козы поменьше в середине, а маленькие козлята в самом хвосте. Хэнсом тотчас же увидел их, особенно козла, который пригнул голову так, что рога его торчали вверх, словно громоотводы.

— Постой минутку! — завопил Хэнсом большому козлу. — Постой минутку, где стоишь! Тебе я говорю?

Козел все приближался. Подойдя к Хэнсому футов на пять, он остановился, пожевал губами и посмотрел Хэнсому прямо в глаза.

Пока Хэнсом и козел глазели друг на друга, Ма выбежала во двор посмотреть, убраны ли козы с крыши.

Вдруг козел сделал выпад и ринулся на Хэнсома, низко пригнув голову и брыкнув копытами. Хэнсом вовремя заметил намерение козла, но беда была в том, что ему некуда было спрятаться, и оставалось только растянуться плашмя на животе. Хэнсом крепко вцепился пальцами в дранку и упирался ногами изо всех сил.

— Берегись, Хэнсом! — закричал Па, увидев, что делается на крыше.

Па вскочил и замахал руками на козла. Но это не помогло, и козел со всего размаха стукнул Хэнсома лбом. Сразу даже нельзя было сказать, как у них дело обернется дальше, потому что после того, как козел боднул Хэнсома, оба они были неподвижны как две столкнувшиеся лодки.

— Держись, Хэнсом! — кричал ему Па.

А потом мы увидели, как Хэнсом съезжает по скату крыши, спиной к нам и упираясь в дранку сиденьем. Так он съехал до половины крыши, а потом начал вертеться, как волчок. Но только мы его и видели, потому что он сейчас же сорвался

с крыши вниз. Мы все подумали о том, куда упадет Хэнсом. Двор у нас был песчаный и твердо убитый, и с той стороны не было дров, которые могли бы задержать падение Хэнсома. Но, прежде чем мы успели все это сообразить, Хэнсом мелькнул в воздухе, словно пуля, прошиб крышку колодца и исчез.

— Боже милостивый! — простионала Ма. — Хэнсом погиб!

Она зашаталась и без чувств упала на землю. Па нагнулся было, чтобы поднять ее, но, немножко приподняв, сейчас же бросил и побежал к колодцу поглядеть, что стало с Хэнсомом. Все произошло так внезапно, что мы даже сообразить не успели, куда он девался. Доски, прикрывавшие колодец, разлетелись, словно на них огромная скала обрушилась. Мы с Па бросились через двор к колодцу. Подбежав к отверстию и заглянув вниз, мы сначала ровно ничего не увидели. Там было черным-черно. Па позвал Хэнсома, и эхо отпрыгнуло, как резиновый мяч, и совсем оглушило нас.

— Где ты, Хэнсом? — еще раз крикнул Па. — Откликнись!

Ма поднялась и, шатаясь, подошла к нам. Ей нелегко было взять себя в руки, и она покачивалась, как мистер Энди Хоуард каждый субботний вечер. Она подошла к нам, еще не оправившись от обморока.

— Бедный Хэнсом Браун! — сказала Ма, хватаясь за сруб колодца, потому что ноги ее не держали. — Бедный Хэнсом Браун! Такого негра у нас еще никогда не было. Бедный старый Хэнсом Браун!

Па возился, раскручивая ворот. Он хотел поскорее опустить вниз ведро.

— Помолчи, Марта! — сказал он сквозь зубы. — Не видишь, что я тороплюсь поскорее опустить ведро?!

— Бедный старый Хэнсом Браун! — говорила Ма, утирая слезы и не обращая никакого внимания на Па. — А я еще так бранила его, когда он был жив! Такого негра у нас еще никогда не было. Бедный старый черненький Браун!

— Замолчи, Марта! — прикрикнул на нее Па. — Не видишь ты, что я тороплюсь?!

К этому времени Ма пришла в себя и могла стоять, ни на что не опираясь. Она перегнулась через край сруба и заглянула вниз.

— Ты тут, Хэнсом? — закричал Па в колодец.

Долго не было никакого ответа. Все мы нагнулись над отверстием и вглядывались в темноту. Сперва ничего не было видно, но потом внизу заблестело два больших белых кружка. Казалось, что до них целая миля. Они становились все ярче, словно два копящих глаза темной ночью, когда на них упадет свет от фонаря.

— Ну, как ты там дышишь, Хэнсом? — закричал ему Па.

— Дышу я хорошо, мистер Моррис, — оказал Хэнсом. — Но поджилки у меня болят ужасно.

— Ерунда! — сказал Па. — Ничего не сделается твоим поджилкам. Видишь ты там что-нибудь?

— Ничего не вижу, — сказал Хэнсом. — Я куда-то провалился и слепой, как сова. Я ничего не вижу.

— Это потому, что ты на дне колодца. Мудрено там что-нибудь разглядеть!

— Так вот я где! — сказал Хэнсом. — Боже мой, мистер Моррис, значит, это потому вокруг меня столько воды. А я уже думал, что я попал прямо в ад. Я уже думал, что меня прямо туда занесло. А когда же вы меня отсюда освободите, мистер Моррис?

— Лови ведро и держись за него крепче. Я тебя сейчас же вытащу, — сказал ему Па

Хэнсом поймал ведро и так задергал веревку, что Па снова нагнулся над срубом.

— Мистер Моррис, пожалуйста, сэр, — сказал Хэнсом.

— Ну, чего тебе еще?

— Когда вы меня освободите, вы не пошлете меня опять на крышу, где тот большой козел?

— Нет, — сказал ему Па, крутя ворот. — Пускай эти чортовы козы сидят там, пока сами не слезут от голода.

Мы все так занялись Хэнсомом, что совсем забыли о козах. Но тут Ма обернулась и посмотрела на крышу. Потом она погрозила кулаком.

Все козы тем временем перешли на другой край гребня возле кухни и стояли там, глядя на нас.

Козел поглядел Ма прямо в глаза и даже жевать перестал. Ма и козел словно пробовали, кто кого переглядит.

А тут штук двадцать дам, собравшихся на заседание, просунули головы из-за угла дома во двор, чтобы поглядеть, что здесь у нас делается. Собравшись и подождав у парадной двери, они решили навеститься к нам и спросить, в чем дело. Подходя к дому, они видели коз на крыше, и теперь им любопытно было узнать, из-за чего мы подняли такой шум во дворе.

— Боже правый, Марта Страуп! — сказала одна из них. — Что здесь у вас такое происходит? Никогда в жизни я не видела ничего смешнее этих коз на крыше!

Ма круто повернулась и увидела своих дам. Она не сказала ни слова, но руки ее поднялись к лицу, словно она пыталась спрятаться, потом она вбежала в дом через заднее крыльцо, захлопнула за собой дверь и заперла ее на замок. Дамы снова собрались у парадной двери и долго стучали. Наконец они, должно быть, потеряли надежду и двинулись обратно по улице. На ходу они оборачивались поглядеть на коз на крыше и смеялись так громко, что, наверно, их слышно было по всему городу.

III. С ТЕХ ПОР МОЙ СТАРИК НИКОГДА НЕ БЫЛ ПРЕЖНИМ

Когда я встал и пришел завтракать, мой старик сидел у плиты, раскачиваясь на стуле, и уписывал горячие лепешки с патокой. Он по обыкновению поставил тарелку прямо на плиту, потому что так ему удобнее было, не вставая, брать лепешки из духовки. Мой старик обожал горячие лепешки с патокой.

Когда я вошел, он сидел, набив полон рот, и сперва ничего не сказал. Но он поглядел на меня и подмигнул.

— Здравствуй, Па, — сказал я, очень ему обрадовавшись.

На этот раз он был в отлучке около недели.

Он ничего не ответил, пока, нагнувшись, не достал еще лепешку. Он разломил ее пополам, положил внутрь масла и оставил обе половины раскрытыми на тарелке. Потом он подхватил с пола кувшин и густо полил лепешку патокой.

— Ну, сынок, как твои бицепсы? — сказал он, сжимая пальцами мою руку.

— А вот гляди, — сказал я.

Он пощупал мускулы.

Я был ему очень рад.

Тут вошла Ма и собрала мне на кухонном столе завтрак: хлеба с патокой и немного бэкона. Собирая мне завтрак, она не сказала ни слова. Покончив с этим, она стала возиться на кухне и

громыхать своими горшками и сковородками. Злилась она, словно потревоженная клушка.

Па сидел, смотря куда-то мимо, и время от времени косился на нее, выжидая, что она скажет. Мы с Па знали, что, когда она была в таком настроении, лучше всего было ждать, чтобы она заговорила первой. Когда мы пробовали заговорить с ней, пока она не утихомирится, ничего хорошего из этого не получалось. Па сидел на своем стуле смирный, словно бродяга, ожидающий подачи.

Когда я совсем почти управился с завтраком, она подошла к плите и стала перед Па, уперев руки в бедра и глядя на него сверху вниз.

— Ну, где же вы на этот раз пропадали, Моррис Страуп? — сказала она.

И вдруг подняла руку и откинула сбившиеся на лоб волосы.

— Да нигде, Марта, — сказал Па, слегка уклоняясь в сторону, когда увидел, что она подняла руку. — Собственно, нигде я и не был.

— Уйти из дому и шататься бог весть где целую неделю — это, может быть, по-вашему, «нигде не был», но не по-моему. Где ты был?

— Но, Марта, — сказал он, — я просто был тут, неподалеку.

— А где твой бездельник-петух? — спросила она.

— Да тут... в курятнике, — сказал он.

— Вот попадись он только мне, — сказала Ма, топая ногою, — я ему шею сверну!

Папин бойцовый петух Колледж Бой был чемпионом округа Мерриуэзер, штат Джорджия. Он жил у нас уже с полгода, и когда Па в первый раз принес его, он сказал, что по выучке петух не уступает воспитанникам колледжа. Поэтому он и назвал его «Колледж Бой». Если бы Па мог записывать его на все состязания, он непременно стал бы чемпионом страны. Но у Па не хватало денег на железную дорогу, а своего автомобиля у нас не было. И поэтому для Па доступны были только те состязания, куда он мог добраться пешком. Вот почему он так часто бывал в отлучке. Иногда ему приходилось тратить несколько дней на то, чтобы попасть на петушиный бой, потому что владельцы петухов и устроители боялись шерифа и все время меняли место состязаний, перебираясь из одного конца округа в другой.

Па ничего не ответил. Мы прекрасно знали, что заступаться за Колледж Боя — значило подливать масло в огонь. Петух был ненавистен ей, как смертный грех.

— Если ты не считаешь это слишком большим одолжением с твоей стороны, — сказала Ма, — не сходишь ли ты к миссис Тэйлор взять у нее стирку? Конечно, если тебе не стыдно, что все увидят, как ты несешь домой чужое грязное белье.

— Нехорошо, Марта, — сказал он. — Ты же знаешь, что я всегда рад тебе помочь.

Она подошла к двери и смотрела, не потух ли огонь под кипяtilьным баком.

— Вильям, — сказала она, повернувшись ко мне. — Пойди и подкинь несколько сосновых чурбаков в кипяtilьник.

Я встал и пошел исполнять ее приказание. Когда я был уже в дверях, она снова обратилась к отцу:

— А когда ты увидишь миссис Тэйлор, Моррис Страуп, ты можешь рассказать ей, да и всем жителям Ферфилда, как я гну спину над чужой стиркой, пока ты слоняешься по всему штату в обнимку с твоим никудышным петухом, — она еще раз оглядела Па. — Как бы я хотела свернуть ему шею, да заодно и тебе!

— Но, Марта...

— Одному небу известно, что стало бы со всеми нами, если бы не моя стирка, — сказала она. — За целые десять лет ты толком не проработал ни одного дня!

Па встал и вышел во двор, где я подкидывал дрова под кипяtilьник. Он постоял, глядя на меня.

— Сынок, — сказал он вполголоса, чтобы Ма его не услышала, — не знаешь, где бы мне раздобыть пригоршню зерна для Колледж Боя?

Он не стал дожидаться ответа, потому что знал, что я-то знаю, что делать. Он вышел через

калитку и направился к дому миссис Тэйлор, квартала за три от нас. Когда Ма ушла на кухню, я пробрался в курятник, достал из гнезда яйцо и спрятал в карман. Я прекрасно знал, чего от меня хочет Па, потому что он всегда посылал меня в бакалейную мистера Брауна, когда ему нужен был корм для Колледж Боя.

Я отнес яйцо в лавку и выменял его на пакет зерна, как это всегда делал Па, когда я ходил вместе с ним. Мистер Браун сказал мне, что, как говорят, Па накануне выиграл три доллара на петушином бою в Нортонсвилле и хотел бы он знать, почему это мы вымениваем яйца на корм, вместо того чтобы расплатиться из денег, которые получил Па.

Я сказал, что ничего об этом не знаю, потому что Па ни словом не обмолвился о том, что Колледж Бой дрался в Нортонсвилле. Мистер Браун просил меня передать Па, что он хотел бы поглядеть Колледж Боя, когда состязание устроят где-нибудь вблизи Ферфилда. Потом я пошел домой, пряча пакет с зерном за пазухой, чтобы Ма как-нибудь не заметила и не отняла его у меня.

Па уже вернулся с бельем от миссис Тэйлор и пришел ко мне за курятник, чтобы поглядеть, принес ли я корму. От курятника до места, где Ма стирала белье, было шагов полтора, и ей нас не было видно. Но говорить громко мы не решались, чтобы она не услышала.

Па присел на корточки, держа Колледж Боя

на коленях, и стал обтирать его мокрой тряпкой. Колледж Бой потерял в схватке много перьев, и вид у него был утомленный. На правой ноге у него была ссадина и повреждена шпора. Па сказал, что он боялся, выдержит ли Колледж Бой до конца из-за шпоры, но что когда петух увидел, что правая лапа у него не работает, он продолжал сражаться левой. Па сказал, что это была самая жестокая схватка с тех пор, как Колледж Бой выступает на арене. Он сказал, что даст петуху отдохнуть, пока не заживет нога, потому что не хочет рисковать им.

Па заботливо обтер его и позволил мне помогать. Покончив с обтиранием, он дал мне поддерживать Колледж Боя. До сих пор он не позволял мне притрагиваться к петуху, и я спросил, возьмет ли он меня на следующее состязание. Па сказал, что мне еще надо подрасти, но что теперь ждать мне осталось недолго.

— Твоя мама обдерет меня заживо, если я поведу тебя сейчас, — сказал он. — Да что меня — она и обоих нас в порошок сотрет!

Я держал Колледж Боя на руках, и он сидел спокойно, как будто и не в первый раз. Он был красивый петух с огненным воротником и крыльями и тускложелтой подкладкой. Его гребень свисал на правую сторону, словно красная прядка. Я и не подозревал, что он такой маленький. Он был немногим больше среднего размера курицы, но даже когда он сидел на руках

спокойно, видно было, какой он сильный и проворный. Па сказал, что во всей стране едва ли найдешь второго такого петуха.

Я отдал его Па, и он велел мне натолочь зерна. Я достал плоскую железку и кусок камня и натолок зерна, а Па сгребал его и с ладони кормил Колледж Боя. Тот клевал зерно, словно это было нивесть какое лакомство, и требовал еще. Я не успевал натолочь пригоршню, как на ладони ничего не оставалось.

Пока мы прятались за курятником, Ма была на дворе, кипятила и стирала белье. В этот день она стирала на миссис Тэйлор, но у нее бывало по шесть — семь стирок на неделе. Целыми днями она стирала, а гладила по ночам.

Мы долго еще сидели там, любуясь Колледж Боем. У него в углу курятника была нарыта кучка пыли, и он зарывался в нее, как в перину, и крыльями подбивал себе пыль под перья.

Я сказал Па, чтобы он теперь подольше не уходил из дому, потому что я хотел, чтобы он оставался с нами и позволял мне добывать и толочь зерно и каждый день кормить Колледж Боя. Па сказал, что он пока никуда не собирается уходить, хотя бы потому, что Колледж Бою надо с недельку отдохнуть.

Так мы сидели на земле под навесом до самого обеда. Потом Ма позвала нас в дом.

Когда мы поели, она сказала, чтобы Па отнес белье миссис Долан. Миссис Долан жила на

другом конце города, и путь был неблизкий. Я попросил Ма, нельзя ли мне помочь Па донести белье, и она разрешила.

Мы понесли белье сейчас же после обеда, и я надеялся, что мы успеем вернуться до темноты и еще раз поглядеть на Колледж Боя. Но назад мы возвращались уже слишком поздно, и, проходя мимо почты, Па задержался там кое с кем потолковать. Должно быть, мы пробыли там часа два — три, потому что когда мы вернулись домой, было уже совсем темно. Ма услышала, как мы поднимаемся на парадное крыльцо, и вышла к нам, и спросила у Па деньги за стирку. Па отдал ей 75 центов и спросил, скоро ли ужин. Она сказала, что скоро, и мы уселись на ступеньках.

Хорошо было сидеть с моим стариком на крыльчке: он так часто отлучался из дому, что мне очень редко удавалось побыть с ним. Мой старик раскурил окурок сигары и попыхивал им в темноте, и дым стлался по крыльцу, и хорошо пахло сигарой и свежим ночным ветерком.

— Вот что, сынок, — сказал он после долгого молчания, — утром, как только позавтракаешь, сбегай-ка ты опять к бакалейщику. Достань еще одно яйцо и выменяй его на корм. Сейчас же после завтрака надо покормить Колледж Боя; ты видел, как он отошал; его надо хорошенько подкормить, тогда он скорее окрепнет.

— Хорошо, Па, — сказал я, — непременно схожу.

И мы сидели в темноте, думая о Колледж Бое.

Вскоре Ма позвала нас, и мы вошли и уселись за стол. На ужин было только одно блюдо — большой пирог с курятиной. Он был запечен в большой, глубокой форме, и корка у него была толстая, румяная.

Па сначала отрезал мне, затем Ма, а уж потом взял и себе большую порцию.

Ма была не расположена разговаривать, а Па боялся начинать. Он никогда не затевал с нею разговора и ждал, когда она сама заговорит. Мы сидели за столом и без лишних слов уписывали пирог, пока от него ничего не осталось. Па откинулся на спинку стула и посмотрел на меня. И видно было, что он очень одобряет мамину стряпню.

Было тихо, как в церкви, когда уйдут все прихожане.

— Моррис, — сказала Ма, аккуратно укладывая на тарелке свой нож и вилку. — Надеюсь, это послужит тебе уроком.

— Что послужит, Марта? — сказал Па.

Она полюбовалась, как на тарелке рядком лежали ее нож и вилка, еще поправила их и потом посмотрела на него в упор.

— Надеюсь, что теперь ты никогда больше не принесешь в дом бойцового петуха, — сказала она. — Мне пришлось решиться на это.

— Что? — сказал он, перегибаясь через стол.

— Да, мне пришлось запечь...

— Колледж Бой! — сказал Па, слегка отодвигая свой стул.

Ма кивнула головой. Лицо у моего старика побелело и руки повисли. Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но не слышно было ни звука. Не знаю, как долго все это тянулось, но мне показалось, что прошло полночи, прежде чем кто-нибудь из нас двинулся.

Ма первая нарушила молчание:

— Это была крайняя мера, Моррис, но что же мне оставалось делать?

— Но ведь это был Колледж Бой, Ма? — сказал я. — Как ты могла?

— Молчи, Вильям, — сказала она, поворачиваясь ко мне.

— Ты не должна была делать этого, Марта, — сказал Па, отпихивая стул и вставая. — Особе с Колледж Боем. Он был...

Больше он ничего не сказал. Он просто пошел и пошел через весь дом к выходной двери.

Я вскочил и побежал следом за ним. На крыльце было как-то особенно темно, и после светлой комнаты я ровно ничего не видел. Я перетрогал все соломенные кресла, но его нигде не было. Сигарный окурок, который он, идя ужинать, оставил на перилах, еще не потух, и пахло от него совсем как от моего старика. Я сбежал по ступенькам и бросился за ним вслед, спеша догнать его, пока он совсем не скроется в темноте.

Цена 30 коп.